

**Надлер Василий Карлович**

**Юстиниан и партии цирка в  
Византии**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
В19

В19 **Василий Карлович Н.**  
Юстиниан и партии цирка в Византии / Надлер Василий Карлович – М.: Книга по Требо-  
ванию, 2023. – 172 с.

**ISBN 978-5-519-98539-0**

**ISBN 978-5-519-98539-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



|                                                                                                                                                                                                   |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ропація. Рѣчь Оригена. Императорскій совѣтъ и рѣчь<br>Θεодоры. Самоувѣренность писургенцовъ. Велизарій по-<br>даетъ сигналъ. Побойце въ циркѣ. Ипатій и Помпей.<br>Реакція. — Заключение. . . . . | 74. |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

## П Р И Л О Ж Е Н І Е.

### Проконій — историкъ Юстиніана.

Задача исторической критики. Проконій и его время. Происхожденіе, родина, образованіе Проконія. Служебная карьера. Проконій въ лагерѣ Велизарія и въ столицѣ. Сбраніе матерьяла. Источники и свидѣтели. Многосторонность Проконія. Обработка матерьяла и изданія исторіи. Характеръ восьми книгъ исторіи. «Постройки» — панегирикъ Юстиніану. Введеніе къ «постройкамъ» и къ «исторіи». Контрасты между «постройками» и «исторіею». «Тайная исторія». Образъ мыслей автора «тайной исторіи». Обвиненія «тайной исторіи» противъ Юстиніана подтверждаются исторіею войнъ. — Заключение. . 115.



## I.

Византизмъ и историческая традиція. Продолжительное существованіе византийской имперіи и попытки объяснить это явленіе. Государство и національность. Византии и космополитизмъ. Составъ и характеръ населенія имперіи. Ассимилирующая способность имперіи. Варварскій элементъ и его роль. Византизмъ и деспотизмъ. Элементы, ограничивавшіе подновластіе императора: избирательное начало, бюрократія и рутица, церковь и армія. Циркъ и его партія въ Римѣ и Византии. Голубые и зеленые, ихъ роль и организація.

---

Византийская имперія представляетъ, быть можетъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ феноменовъ всемірной исторіи, другими словами — она представляетъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ процессовъ и явленій, единственныхъ по своей исключительной своеобразности. Такая мысль находится, очевидно, въ рѣзкомъ противорѣчій съ тѣми традиционными понятіями о византизмѣ, которыя господствуютъ по сію пору и въ образованномъ обществѣ, и въ ученой литературѣ. Чему учили насъ, въ самомъ дѣлѣ, въ школахъ, что проповѣдываютъ намъ на этотъ счетъ всѣ представители западной европейской исторіографіи? Византизмъ, говорили и говорятъ они намъ, это — китаизмъ на европейской почвѣ, это тысячелѣтняя агонія разлагающагося общества, общества, которое не можетъ умереть, но не можетъ и жить. Деспотизмъ, и при томъ въ самой уродливой своей формѣ, мелочной и смѣшной церемоніаль, отсутствіе всякой умственной производительности и всякой политической жизни, систематическое подавле-

ніе всякаго свободнаго движенія духа, нѣмое рабство массъ, поголовное отсутствіе всякихъ нравственныхъ началъ и исключительное господство догматическихъ тонкостей, нелѣпая, бессмысленная страсть къ какимъ-то играмъ въ циркѣ, — вотъ тѣ черты византизма, которыя принимаются и въ настоящее время за безусловныя историческія истины. Я крайне далекъ отъ радикальной мысли опровергнуть это традиціонное представленіе во всей его совокупности; я даже согласенъ съ нимъ во многихъ частностяхъ, но я убѣжденъ въ то-же время, что оно далеко не соответствуетъ дѣйствительности. Усвоивъ себѣ подобное воззрѣніе, историческая наука лишила сама себя возможности разъяснить удовлетворительно то простое явленіе, что византійская имперія существовала еще около 1000 лѣтъ послѣ паденія имперіи западной. Правда, политическій организмъ, воплѣтъ предоставленный самому себѣ, отдѣленный отъ всего остальнаго міра неодолимыми преградами, можетъ проволочить свое существованіе на цѣлыя столѣтія, даже при полномъ отсутствіи всѣхъ элементовъ здоровья и силы. Но далеко не въ такомъ изолированномъ положеніи находилась византійская имперія. Она расположена была въ самомъ центрѣ въ высшей степени живаго и разнороднаго политическаго міра. Въ ея составъ входили самыя прекрасныя и цивилизованныя страны Европы и Азии; на всѣхъ ея предѣлахъ тѣснились самыя энергическіе и разпородные враги. Съ сѣвера и запада она подвергалась постояннымъ нападеніямъ самыхъ воинственныхъ и многочисленныхъ варваровъ. Представители германскаго, азіатскаго (финскаго и монгольскаго) и славянскаго племенъ по-очередно вторгались въ ея провинціи. Одна разрушительная волна варваровъ слѣдовала за другою: гунновъ смѣнили болгары и авары; за остъ-готами, герулами, гепидами и вандалами слѣдовали безчисленные полчища антовъ и славянъ. Разрушительный потокъ наводпалъ черѣдко въ европейскія провинціи имперіи, толпы вар-

варовъ являлись иногда подъ самыми стѣнами столицы, по за каждымъ приливомъ слѣдовалъ обыкновенно и отливъ. Имперія реагировала самымъ энергическимъ образомъ противъ варварскаго наплыва, и ея реакція никогда не оставалась вполне безуспѣшною. Въ концѣ концовъ побѣда оставалась обыкновенно на ея сторонѣ. Варвары приходили и уходили, одно племя сменяло другое, народы исчезали съ лица земли, царства разрушались вокругъ, а имперія продолжала существовать все въ томъ-же неизмѣнномъ видѣ. На восточной и южной границахъ происходили тѣ-же явленія и вели къ тѣмъ-же результатамъ. Кроме турокъ и другихъ варваровъ, имперіи приходилось имѣть здѣсь дѣло то съ организованною силою персидскихъ Сассанидовъ, то съ мусульманскимъ фанатизмомъ, подымавшимъ противъ нея всѣ силы Азіи. И съ этой стороны враги наводняли нерѣдко большую часть имперіи, и здѣсь нашествіе достигало не разъ самыхъ стѣнъ Константинополя. Столицѣ приходилось выдержать цѣлый рядъ осадъ. Въ VII в. стѣны ея подвергались соединеннымъ атакамъ аваровъ и персовъ; въ VIII в. ей приходилось обороняться отъ несмѣтныхъ полчищъ халифовъ. Но и эти испытанія прошли благополучно для имперіи. Царство Сассанидовъ рушилось, халифатъ палъ послѣ кратковременнаго блеска; одни только силы дряхлѣющей, разлагающейся имперіи оказывались на дѣлѣ нестоющими. Наступила эпоха крестовыхъ походовъ, и вмѣстѣ съ нею поднялись новыя бури противъ имперіи. Новые страшные враги, сельджукскіе турки съ одной стороны, норманны и крестоносцы съ другой рвали на части ея политическое тѣло. Волны новаго великаго переселенія катились одна за другою черезъ ея провинціи. Фанатизмъ и жадность привлекали все новыхъ грабителей и завоевателей, сама столица и большая часть провинцій сдѣлались, наконецъ, добычею толпы франкскихъ искателей приключеній. Но имперія пережила и эту страшную катастрофу. Она пала лишь два съ половиною вѣка

спусти послѣ этого, но она пала подъ ударами того-же самого врага, предъ которымъ преклонились и юношескія силы слагаятъ Балканскаго полуострова, въ борьбѣ съ которымъ истекла кровью могучая Венеція, побѣдоносный напоръ котораго могли остановить лишь соединенныя силы христіанской Европы. Теперь спрашивается, чѣмъ объяснить эту жизненную энергію имперіи? какъ согласить это явленіе съ тѣмъ традиціоннымъ представленіемъ, въ силу котораго вся византійская исторія есть не что иное, какъ исторія разлагающагося трупа?

Западная наука, установившая эту традицію, пыталась объяснить проблему тысячелѣтняго существованія имперіи причинами чисто внѣшняго свойства. Указывали между прочимъ на выгодныя географическія условія, облегчавшія оборону и затруднявшія нападеніе; напоминали о несравненномъ положеніи Константинополя, представлявшаго изъ себя колоссальную, неприступную крѣпость, и соединеннаго, благодаря морю, съ ближайшими и отдаленнѣйшими провинціями государства; выставляли на видъ, что потокъ варварскихъ движеній направлялся постоянно на западъ и задѣвалъ восточную имперію лишь мимоходомъ; упирались на мирный характеръ славянъ—враговъ востока, и на воинственныя свойства германцевъ, враговъ запада; допускали, наконецъ, что на сторонѣ Византіи было преимущество внѣшней цивилизація, а слѣдовательно и ресурсовъ къ оборонѣ. Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ есть своя несомнѣнная доля правды, но не менѣе несомнѣнно и то, что всѣ внѣшнія причины сами по себѣ не могутъ еще объяснить той проблемы, о которой идетъ рѣчь. Нельзя отрицать, что западная имперія не располагала такими превосходными оборонительными линіями, какъ линіи Дуная и Балкана; нельзя не согласиться, что положеніе древняго Рима было далеко не такъ центрально, крѣпко и удобно, какъ положеніе Константинополя; но не слѣдуетъ придавать слишкомъ рѣшающаго значенія этимъ чисто географическимъ моментамъ. Не

надо забывать, что природныя преграды никогда не могли еще спасти сами по себѣ политическихъ организмовъ, осужденныхъ на смерть исторіею. Пиренейскій полуостровъ есть страна наиболѣе изолированная во всей Европѣ, и однако-же крѣпкія природныя ограды не спасли Испанію отъ господства картагенянъ, римлянъ, вандаловъ, готовъ, арабовъ и мавровъ. Потокъ великаго переселенія народовъ направлялся, дѣйствительно, главнымъ образомъ, на западъ, завоевательная и политическая инициатива германцевъ была несравненно могущественнѣе инициативы славянской; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что имперія имѣла дѣло не съ одними славянами и что характеръ славянъ былъ далеко не такъ безопасенъ для имперіи, какъ представляется это обыкновенно. Въ числѣ враговъ Византіи были и такіе, которые не только не уступали германцамъ, но даже превосходили ихъ: стоитъ вспомнить персидскихъ Сассанидовъ, предъ которыми дрожала древняя римская имперія, во времена своего высшаго военнаго могущества, арабовъ, покрывшихъ половину міра своими государствами и колоніями, сельджуковъ, борьба съ которыми оказалась не по силамъ феодальной Европѣ, не говоря уже о гуннахъ, аварахъ, болгарахъ и другихъ азіатскихъ варварахъ, уступавшихъ, быть можетъ, германцамъ во всемъ, но не въ способности разрушенія. Сами славяне были страшными врагами для Византіи, уже благодаря своей громадной численности, а также своей колонизаторской способности. Они вторгались въ имперію не небольшими народцами, какъ германцы, а безчисленными полчищами; они не довольствовались однимъ грабежемъ и истребленіемъ, а стремились постоянно къ захвату земель, къ окончательному поселенію въ провинціяхъ имперіи. — Остается еще послѣдняя причина — преимущество матеріальной цивилизаціи; но вліяніе этого послѣдняго момента во всякомъ случаѣ крайне второстепенно. Ясное доказательство въ этомъ отношеніи представляетъ Китай. Военная тактика китайцевъ стоитъ, безъ сомнѣ-

нія, выше тактики сосѣднихъ азіатскихъ кочевниковъ; внѣшній аппаратъ китайской цивилизаціи былъ чрезвычайно богатъ съ незапамятныхъ временъ, и однако-же все это не помѣшало монголамъ и маньджурамъ покорять Небесное царство и основывать въ немъ свои династіи. Что бы ни говорили, но вся сумма внѣшнихъ причинъ не могла бы предохранить Византію отъ гибели, еслибы внутри ея не было дѣйствительно ничего, кромѣ разложенія и гнили. Присмотримся же ближе къ внутреннему строю имперіи, поищемъ въ немъ органическихъ причинъ жизненной силы этого загадочнаго государства.

Идеи національности и государства тѣсно связываются въ понятіяхъ современнаго человѣчества. Мы привыкли думать, что преобладающая, если не исключительная, національность есть неизбежное условіе прочности и продолжительнаго существованія всякаго государства. Намъ кажется, что исторія всѣхъ временъ должна подтверждать и доказывать эту несомнѣнную истину. Въ этомъ отношеніи византійская исторія дастъ намъ поучительный урокъ. Она представляетъ намъ образецъ государства, лишеннаго господствующей народности, государства, покоющагося на идеѣ космополитизма, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Византійская имперія носила названіе римской, и она была, дѣйствительно, римскою во многихъ отношеніяхъ. Всѣ сѣверныя ея провинціи—Фракія, Мизія, Иллирія населены были романскимъ или романизованнымъ населеніемъ; при дворѣ и въ высшихъ сферахъ администраціи до самыхъ временъ Юстиніана господствовали языкъ латинскій; основныя принципы государственнаго устройства было чисто римскіе; въ военной тактикѣ хранились римскія преданія, въ системѣ общественнаго и частнаго права царилъ безусловно старо-римскій духъ. Тѣмъ не менѣе было бы странно утверждать, что византійская имперія была дѣйствительно государствомъ римскимъ или романскимъ; можно даже, сказать, что въ этомъ государствѣ преобладалъ другой элементъ,

греческій. Элементъ этотъ опирался на колоссальное населеніе столицы, на гелленизированныхъ жителей азіатскихъ провинцій, на чисто греческое населеніе острововъ и древней Эллады. Въ-ковое преобладаніе греческаго языка на всемъ древнемъ востокѣ, неистощимыя сокровища греческой цивилизаціи, чисто греческій характеръ церкви усиливали съ каждымъ годомъ силу и значеніе этого элемента. Еще въ IV в. ученые греки перемѣняли свои имена на римскіе, подобно Амміану Марцелину, и писали свои историческіе труды на языкѣ латинскомъ. Въ V в. подобныя явленія дѣлаются невозможными; греческій языкъ начинаетъ господствовать безусловно съ сферахъ науки и интеллигенціи. Въ исходѣ VI столѣтія греческій языкъ дѣлается языкомъ администраціи и двора; въ VII вѣкѣ латынь, служившая до тѣхъ поръ языкомъ команды въ легіонахъ, уступаетъ и эту послѣднюю свою позицію. Мало-по-малу, греческій элементъ окрашиваетъ всю имперію своимъ цвѣтомъ, кладетъ на все свой вѣднній отпечатокъ. Но мы бы жестоко ошиблись, еслибы заключили отъ вѣднности къ внутреннему содержанію; другими словами, мы бы впали въ опасное заблужденіе, утверждая, что византійская имперія была государствомъ чисто греческимъ, или по-крайней-мѣрѣ, греческимъ по преимуществу. Уже тѣ массы греческаго населенія, о которыхъ упомянуто было выше, отличались въ высшей степени разнороднымъ характеромъ. Совершеннымъ особнякомъ стояло древне-греческое населеніе старой Эллады. Между нимъ и другими греческими элементами имперіи существовалъ даже неизгладимый антагонизмъ.

Населеніе Эллады было еще сильно проникнуто античнымъ духомъ, въ его жилахъ текла чисто греческая кровь, древнее язычество, культурныя традиціи элленизма продолжали жить упорно въ его средѣ. Совершенно инымъ характеромъ отличалось гелленизированное населеніе Малой Азіи, изъ котораго черпалъ свои главнѣйшіе культурные элементы византизмъ до самой сель-

джукской эпохи. Въ составъ этого населенія вошли самые различные этнографическіе элементы съ весьма различными степенями гелленизаціи. Тутъ были и почти чистые потомки древнихъ іонійскихъ и дорійскихъ колонистовъ, и гелленизированные съ незапамятныхъ временъ ликійцы, фригійцы, понтики и вифиняне, гелленизація которыхъ началась уже съ эпохи Александра Македонскаго, галаты, древніе кельты, гелленизированные въ римскую эпоху, киликіяне, потомки древнихъ пиратовъ, представлявшіе изъ себя самую пеструю смѣсь всѣхъ античныхъ національностей, едва окрашенную греческою внѣшностью, исавряне, полудикіе горцы варварскаго происхожденія, отъявленные разбойники и превосходные солдаты, по весьма плохіе греки. Присоедините къ этой пестрой смѣси гелленизированныхъ фракійцевъ, сирійцевъ и коптовъ и вы получите пеструю массу того элемента, который претендовалъ на названіе греческаго, который общилъ свой характеръ и населенію столицы и внѣшнему виду имперіи вообще. Само собою понятно, что эта масса считала себя греками далеко не въ смыслѣ древнихъ эллиповъ. Она говорила въ своемъ большинствѣ испорченнымъ греческимъ языкомъ, но она съ негодованіемъ отвергала всякую солидарность съ древними греками и гнушалась эллипскаго имени. Превратности исторической судьбы убили въ ней всякое національное чувство, но развили въ ней за-то чисто римскій, или, лучше сказать, имперскій патріотизмъ. Она считала имперію вѣчною и неизмѣнною формою своего политическаго существованія, она считала себя ромеями, т. е. римлянами, и съ гордостью выставяла на-показъ это свое названіе. Еще сильнѣе патріотизма развито въ ней было религиозное, или, лучше сказать, церковное чувство. Это была масса христіанская, фанатически преданная извѣстной системѣ догмы и обрядовъ. Психологическій характеръ этой массы или, лучше сказать, ея наиболѣе гелленизированныхъ слоевъ, былъ весьма страннаго, но по большей части отталки-